

Трансформация феномена «конца истории»

Ростовская О.М.

Учреждение образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова», Витебск

Статья посвящена не новой, но актуальной в настоящее время философско-исторической проблеме «конца истории», которая осмысливается автором в контексте исследования феноменов смерти и смысла, традиционно являющимися центральными предметами философской рефлексии.

Цель статьи – определение значения феномена «конца истории» в исторической архитектонике.

Материал и методы. *Материал исследования – исторический процесс. В работе использовались общелогические и общенаучные методы познания (анализ, синтез, абстрагирование, идеализация), диалектический метод, архетипический подход.*

Результаты и их обсуждение. *На основе обращения к интерпретации модели исторического развития Ф. Фукуямы проанализирована общая тенденция к многообразию и континуальности истории. Акцентировано внимание на реализации в ходе истории глубинного смысла, осуществление которого определяет направленность исторического процесса. Сигнификатором смысла истории выступает архетип смерти, проявленный в образе Танатоса, а феномен смерти представляется в качестве константы исторического бытия.*

Заключение. *Значение феномена «конца истории» в исторической архитектонике заключается в проявлении общеисторического смысла, заданного влиянием архетипического образа смерти.*

Ключевые слова: «конец истории», феномен смерти, архетип, Танатос, история, историческая архитектоника, общество.

(Ученые записки. – 2024. – Том 39. – С. 85–88)

Transformation of the “End of History” Phenomenon

Rostovskaya O.M.

Education Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

The article deals with not a new, but currently relevant philosophy-historical problem of the “end of history.” It is comprehended by the author in the context of the study of the phenomena of death and meaning, which are traditionally the central subjects of philosophical reflection.

The purpose of the article is to identify the meaning of the “end of history” phenomenon in historical architectonics.

Material and methods. *The research material is historical process. General logical and general scientific methods of cognition (analysis, synthesis, abstraction, idealization), the dialectical method, the archetypal approach are used in the research.*

Findings and their discussion. *Based on addressing the interpretation of the model of historical development of F. Fukuyama, a general tendency towards diversity and continuity of history was analyzed. Attention is focused on the implementation of the deep meaning in the course of history, the implementation of which determines the orientation of the historical process. The signification of the meaning of history is the archetype of death, manifested in the image of Thanatos while the phenomenon of death is presented as a constant of historical being.*

Conclusion. *The significance of the “end of history” phenomenon in historical architectonics lies in the manifestation of the general historical meaning, which is given by the influence of the archetypal image of death.*

Key words: “end of history”, death phenomenon, archetype, Thanatos, history, historical architectonics, society.

(Scientific notes. – 2024. – Vol. 39. – P. 85–88)

Один из ведущих представителей русской философии Н. Бердяев столетие назад в своей книге «Смысл истории» писал: «Мы живем во времена грандиозного исторического перелома. Началась какая-то новая историческая эпоха. Весь темп исторического развития существенно меняется» [1]. Совре-

менники последнего десятилетия XX века также вполне могли бы согласиться с Н. Бердяевым.

И сегодня мы ощущаем, что живем на перепутье, что темп истории ускоряется и человечество переступает очередной рубеж исторического развития. Полагаем, что это уже не очередной «пост»-период;

в ближайшие годы мы узнаем, что в исторической периодизации эпоха Новейшей истории закончилась, и нам предстоит жить в другую эпоху.

Всякая «новая историческая эпоха» неизбежно знаменует собой конец предыдущей, порой многозначительно заявленный как «конец истории». А в ситуации угрозы самоуничтожения человеческой цивилизации идея «конца» приобретает апокалиптический смысл. В связи с этим существует необходимость изучать обозначенную проблему с учетом современных социально-политических и социокультурных условий, что и послужило стимулом для написания данной статьи, цель которой – определить значение феномена «конца истории» в исторической архитектонике.

Материал и методы. Материал исследования – исторический процесс. Используются общелогические и общенаучные методы познания (анализ, синтез, абстрагирование, идеализация), диалектический метод, архетипический подход.

Результаты и их обсуждение. Н. Бердяев констатирует неизбежность конца истории, апеллируя к тому, что «если бы история была бесконечным процессом, плохой бесконечностью, то история не имела бы смысла» [1]. Более тридцати лет назад японско-американский политический мыслитель Ф. Фукуяма объявил очередной «конец истории». Речь шла не об апокалиптическом событии, грозившем одновременному летальному исходу человечества, а о триумфе западного либерализма, который превзошел все другие социальные проекты и окончательно установился как единственно правильный... Утверждалась несостоятельность и «конец» всех других вариантов исторического развития [2].

Рассуждая в духе Н. Бердяева: «Никогда не осуществлялось то, что ставилось задачей и целью какой-либо исторической эпохи», стоит заметить, что следовало бы сразу предвидеть крах столь грандиозного мероприятия, как объявление «конца истории». И он не удался, «как не удалось все в истории» [1]. История эмпирически подтвердила верность этой предсказанной общей тенденции. Западный либерализм в той форме, в которой он в социальной действительности реализовывался, оказался неудавшимся и демонстрирует очередной «конец». Следует отметить, что такой сценарий масштабных исторических проектов зачастую связан с их претензией на унификационную по своей сути позицию в отношении прогностического рассмотрения и практического выстраивания модели всеобщей истории. Рационалистическая недалекость, проявленная в нежелании воспринимать исторический мир многогранным, где социокультурный фактор исключать нельзя, влечет ошибки понимания, интерпретации и прогнозирования исторического развития. Иллюзия единого глобализованного мира, основанная на западной идее унифицированного либерализма, рушится. Активно продвигающиеся наднациональные интересы

стран западного блока идут вразрез с нарастающими внутригосударственными проблемами и побочным эффектом, нежелательным, но вполне ожидаемым результатом становится угроза укрепления позиций ультраправых сил.

Человечеству стоит усвоить: любая крайность вызывает свою противоположность – еще более агрессивную и социально опасную. Ошибочная стратегия продиктована убежденностью в возможности создать, достичь и «намертво» установить какую бы то ни было единообразную социокультурную, социально-политическую или экономическую форму.

Прежде известный нам путь исторического развития со всей очевидностью демонстрирует и современникам, и их потомкам многомерность истории как процесса трансформации, каждый качественный виток которой можно было бы именовать «концом истории», причем с большим порывом и пафосом, нежели Ф. Фукуяма. Всемирная история не должна быть и не станет унифицированной, монолитно политически западно-либеральной или какой-либо иной монополизированной формы. Стремление к любому рода радикальной и внешне продиктованной унификации антиутопично. Политически глобализованный, унифицированный, а, следовательно, монолитный мир не соответствует самой природе истории, которая состоит в полифоничности, многополярности и континуальности. И в современном геополитическом контексте, где настойчиво реализуется общая тенденция к стандартизированному общественному сознанию и существованию, остро проявляется потребность в осознании и признании многообразия путей развития, которая не сводится к курсу однопавленной глобализации.

Феномен «конца истории» содержит в себе значительный жизнеутверждающий и смыслотворческий потенциал. Сегодня он отсылает к завершению, к смерти очередной формы – западного либерализма как неудавшегося, нереализованного смысла глобализирующегося мира. И вопрос выработки смысла остается актуальным. В смыслообразовании перспективного глобализованного мира теперь задействованы концепты безопасности и экологичности. И они, вероятно, имеют весьма существенное значение и в мировом, и в национальном масштабе. При этом, если взглянуть в «лицо истории» [3], то в ретроспективе человечества, в генеалогии всемирно-исторического процесса мы обнаружим более глубокий универсальный смысл, который и порождает частные актуальные смысловые образования. Он запечатлен в архетипическом образе смерти, который воплощается в образах античных богов Аида, Плутона, Танатоса, Морса или, позже, в образе Мрачного жнеца (мы будем далее в данной работе использовать понятие Танатоса) и содержит в себе мощную трансформирующую энергию.

Через архетип смерти раскрывается смысл истории, посредством него феномен смерти реализуется

как универсалия истории, поскольку являет себя и наличествует везде на всех этапах исторического развития: не было общества, цивилизации, которые не претерпели бы смерть, не столкнулись с нею «лицом к лицу» и не зафиксировали соответствующий опыт в обычаях, традициях, мифах, сказках, символах и других продуктах культуры.

Танатос в человеческой истории проявляется не только фактами физиологической смерти в силу естественных причин, суицидов, преступлений, войн, эпидемий и др., но и в самом феномене войны, и в том, что принято называть открытыми проблемами прикладной этики (в их числе эвтаназия, аборт, смертная казнь). Архетипический образ смерти реализуется в самых разных сферах общественной жизни, социальных процессах и результатах культурного освоения действительности, носит общеисторический, а точнее онто-исторический характер, т.е. здесь имеются ввиду не более узкие культурный, социологический, индивидуально-личностный, физиологический или психофизиологический срезы проявления Танатоса в тот или иной период, смерть выступает в качестве силы, которая может быть представлена константой всемирной истории. И более того, она может быть интерпретирована в качестве сигнификатора смысла истории [4, с. 150–151].

Как «страх – основа надежды», согласно К. Ясперсу [5], так феномен смерти – основа жизни и динамики истории.

Перманентно реализующийся феномен «конца истории» – одно из проявлений Танатоса в историческом контексте как необходимой, объективной движущей силы исторического процесса.

Таким образом, мы называем «конец истории» пограничной ситуацией, в которой оказывается социум. Это «вызов», выражаясь языком К. Ясперса, и ответ, вне зависимости от того, каков он, дает импульс для дальнейшего исторического развития. Имеет ли значение исчезновение племен, народов, цивилизаций для всеобщего исторического процесса с точки зрения не качественного их влияния на других, а с позиции объективного движения истории? Значит ли, что объективный закон всеобщего исторического развития гласит: смерть отдельных составляющих общей системы задает витальность всей системе в целом? Но не сводит ли это социальную историю к общему закону эволюции видов, и не является ли такой, по сути, натуралистический примитивизирующий историю? Отрицательный ответ мы находим в культурной и психологической плоскости – в том, что и отличает человека и социум (и социетальное) от всех других организмов и систем. Как и К. Ясперс, мы задаемся вопросом: почему «с начала истории, человеку свойственно ощущение конца – то ли достигнутого завершения, то ли состояния упадка?» [5]. Ответ находится в архаичном, глубинном человеческом, где имеют место быть во взаимосвязи и взаимообусловленности страх, смерть и надежда –

то, что называют иррациональным, и то, что до настоящего времени движет историческим процессом. «Ощущение конца» присуще самой природе человека и связано с тем, что именуется «чувством прошлого», образующего один из модусов исторической памяти – модус «биографического воспоминания», воспроизводящий непосредственно пережитое и поэтому перцептивно-нагруженное и эмоционально обусловленное прошлое, засвидетельствованное присутствием в нем субъекта истории. Немецкий историк XX века Я. Ассман в работе «Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности» выражал сомнение по поводу существования «чувства прошлого» [6, с. 71], но мы полагаем, что неправомерно его отрицать. Каждый человек в большей или меньшей степени обладает им. Это касается и коллективных исторических субъектов. Можно предположить, что «чувство прошлого», проявляющегося как на индивидуальном, так и на социальном уровнях, опосредовано глубинным бессознательным влечением к прошлому и обуславливает индивидуальную и коллективную историческую память.

«Чувство прошлого» и «ощущение конца» есть не что иное, как две составляющие одного целого – исторического сознания, при этом первое обращено к истоку, а второе – к будущему. Здесь, в плоскости историко-психического, существенно влияние той силы, которую мы называем Танатосом. И конфликт архетипического и нравственного (и в частности наднационального, геополитического требования, права, моды, этикета) в историческом пространстве – в поле действия и взаимодействия, и в том числе конфликтного, коллективных исторических субъектов, находит воплощение в феноменах социальной биофилии и социальной некрофилии. И хотя в статье «Дихотомичность современного исторического развития: исследование феноменов биофилии и некрофилии» мы определили тенденции, которые дают основание интерпретировать актуальный исторический процесс, руководствуясь понятием «бионекрофилическая дихотомия» [7, с. 92], стоит заметить, что Танатос как антиномный феномен [4, с. 150], содержащий в себе трансформационную потенцию, через непосредственное проявление, субституирование или сублимацию осуществляется как в войнах, разработке и использовании деструктивно ориентированных технологий (это, прежде всего, разные виды оружия), вандализме и т.п., так и в коммеморации, мемориализации, реструктуризации, медицинской и психологической терапии и прочих позитивно ориентированных формах социальной деятельности. В наиболее презентабельной форме с точки зрения очевидности самого процесса и результата феномены социальной биофилии и социальной некрофилии проявлены в контексте трансформации городских социальных и культурных ландшафтов, регулируя механизмы забвения и мемориализации и таким образом

задавая трансформацию индивидуальной и коллективной исторической памяти, развивая и стимулируя «чувство прошлого», но вместе с тем и «ощущение конца» – «конца истории», который является повсеместно проникающим феноменом, задающим связь времен в исторической динамике.

Заключение. Подводя итог всему вышесказанному, отметим, что идея «конца истории» выступает в качестве компоненты в осуществлении онто-исторического феномена смерти как архетипического образа, обладающего трансформирующей силой, способной изменять, преобразовывать формы проявления исторического бытия в самых разных сферах социальной жизнедеятельности, и сигнифицирующего смысл истории. Установление и обоснование этих тенденций в общеисторическом контенте, в историческом бытии составляет новизну и значимость данной работы. Философско-историческое исследование проявлений Танатоса в системе социальной реальности имеет фундаментальный характер, так как позволяет определить глубинные причины и взаимосвязи процессов общественной жизни и выстроить историко-футурологическую концепцию.

Литература

1. Бердяев, Н. Смысл истории [Электронный ресурс] / Н. Бердяев. – Режим доступа: http://krotov.info/library/02_b/berdyayev/1923_019_6.htm#10. – Дата доступа: 05.03.2024.
2. Фукуяма, Ф. Конец истории? [Электронный ресурс] / Ф. Фукуяма. – Режим доступа: <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/226/1/fukujama.pdf>. – Дата доступа: 01.03.2024.
3. Ростовская, О.М. Человек перед лицом истории: монография / О.М. Ростовская, А.С. Табачков. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2024. – 152 с.
4. Ростовская, О.М. Смерть как сигнификатор смысла истории / О.М. Ростовская // Наука – образованию, производству, экономике [Электронный ресурс]: материалы 76 Регион. науч.-практ. конф. преподавателей, науч. сотрудников и аспирантов, Витебск, 1 марта 2024 г. / Витеб. гос. ун-т; редкол.: Е.Я. Аршанский (гл. ред.) [и др.]. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2024. – С. 150–151. – Режим доступа: <https://conf.vsu.by/?p=1372>. – Дата доступа: 14.03.2024.
5. Ясперс, К. Смысл и назначение истории [Электронный ресурс] / К. Ясперс. – М.: Политиздат, 1991. – Режим доступа: https://imwerden.de/pdf/jaspers_smysl_i_naznachenie_istorii_1991.pdf. – Дата доступа: 10.03.2024.
6. Ассман, Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман; пер. с нем. М.М. Сокольской. – М.: Яз. слав. культуры, 2004. – 363 с.
7. Ростовская, О.М. Дихотомичность современного исторического развития: исследование феноменов биофилии и некрофилии / О.М. Ростовская // Весн. Гродз. дзярж. ун-та імя Янкі Купалы. – 2022. – Сер. 1, Т. 14, № 3(333). – С. 89–94.

Поступила в редакцию 18.03.2024